

Музыкальная эмиграция

Российский музыковед **Елена Дубинец**, живущая в американском Сиэтле, впервые воссоздает картину масштабного, глубинного и долгого процесса — массового отъезда русских музыкантов из страны, который происходил на протяжении всего XX в. и продолжается до сих пор, в начале XXI в.

Феномен эмиграции в XX веке, особенно в последние десятилетия, сложно определить однозначно. Можно ли считать композиторов, живущих за рубежом, но приезжающих в Россию и долго живущих в стране, эмигрантами? Или как определить музыкантов, которые постоянно меняют место жительства по всему миру? В условиях глобализации и возможностей свободного передвижения решающим оказывается желание самого художника выбирать не только дом для проживания и творчества, но даже национальность и этничность, которые, как указывает музыковед Елена Дубинец, становятся таким же рыночным товаром, как жанр сочинения, тема и посвящение.

Россияне всегда стремились за рубеж, поэтому исследовать этот феномен нужно. Ощущение большей свободы, институты, обеспечивающие реализацию таланта, достойная оплата труда, социальная защита, востребованность у музыкального сообщества и публикации, особенно в отдельных странах Европы и в США — вот возможные причины, влияющие на выбор художника, где жить и для кого творить. Этот процесс остановить невозможно. Но такого «рая», какой был создан в Советском Союзе для творческих людей, не было ни в одной стране. И, по видимому, уже не будет.

Близкое — на расстоянии

Книга Елены Дубинец состоит из двух частей — теоретической и практической. В первой части она пытается понять, «как сами композиторы ощущают свою жизнь и творчество в новых условиях, где они вынуждены балансировать между традициями родной страны и нового места жительства, а также всего мира». Она пишет: «Соединяя локальное и глобальное и вписывая национальное в универсальное, их сочинения обретают культурную значимость и контекстуальный символизм, прорастающие на стыке индивидуальных моделей и социальных условностей. История этих творческих людей, оказывающихся на периферии общества как на старой, так и на новой родине, является важным компонентом нашего понимания концепции современности».

Изучая отъезд эмигрантов, автор обсуждала с музыкантами одинаковые проблемы. Она их обозначила так:

— «отъезд: когда и почему люди уехали. Год отъезда — основной индикатор внутри диаспоры, поскольку именно он немедленно дает понять, в каком контексте произошел отъезд с родины. Портреты музыкантов в данной книге расположены не в алфавитном порядке и не по годам рождения

Дубинец Е. А.
«Мozарт отечества не выбирает. О музыке современного русского зарубежья».
М.: Музиздат, 2016. — 312 с.
Тираж не указан

Елена Дубинец (род. 1969) — профессор музыкального отделения Университета штата Вашингтон в городе Сиэтле, США. Училась в Московской консерватории, защитила кандидатскую диссертацию, посвященную американскому минимализму (1996). В том же году эмигрировала в США. Сейчас является вице-президентом по художественному планированию Сиэтлского симфонического оркестра в США: курирует концертные программы и звукозаписывающие проекты коллектива. Автор книг: «Знаки звуков» (Киев, 1999), «Made in the USA: музыка — это все, что звучит вокруг» (М., 2006), «Князь Андрей Волконский. Партитура жизни» (М., 2010). Организатор двух фестивалей американской музыки «Альтернатива» в Москве (2001, 2002) и фестивалей-конференций по современной камерной музыке в США, Европе, Азии и Латинской Америке.

интервьюируемых, а именно по году эмиграции. Внутри одного года музыканты расположены по старшинству»;

— «адаптация: как люди привыкают к новым условиям и как они выстраивают отношения с новым обществом. Необходимо иметь в виду, что многие композиторы не задерживались в какой-то одной стране и переезжали в другую»;

— «возвращение домой: как люди относятся к нынешнему состоянию своей родины и хотят ли они вернуться, ... как у них складывается отношения с бывшими соотечественниками».

Во второй части книги собраны интервью, взятые на протяжении 20 лет у 15 композиторов и 8 исполнителей и дирижеров, живущих или какое-то время живших за рубежом.

Собеседники автора:

Композиторы — Марк Копытман (Молдавия — Израиль), Валерий Арзуманов (Россия — Франция), Александр Рабинович-Бараковский (Россия — Швейцария), Давид Финко (Россия — США), Леонид Грабовский (Украина — США), Виктор Кисин (Россия — Бельгия), Николай Корндорф (Россия — Канада), Дмитрий Смирнов (Россия — Великобритания), Елена Фирсова (Россия — Великобритания), Владислав Шуть (Россия — Великобритания),

Александр Раскатов (Россия — Франция), Иосиф Барданашвили (Грузия — Израиль), Иван Соколов (Россия — Германия), Франгиз Али-Заде (Азербайджан — Германия), Борис Филановский (Россия — Германия). Исполнители и дирижеры — пианист Ефим Бронфман (Узбекистан — США), пианист и дирижер Игнат Солженицын (Россия — США), скрипач и дирижер Дмитрий Ситковецкий (Россия — Великобритания), пианист и дирижер Владимир Фельдман (Россия — США), скрипач Вадим Репин (Россия — Швейцария), дирижер Владимир Юровский (Россия — Германия), дирижер Василий Синайский (Россия — Нидерланды), пианист и композитор Антон Батагов (Россия — США).

Е. Дубинец так объясняет свой выбор героев книги: «Поскольку читателю не нужно представлять музыку Софии Губайдулиной, Арво Пярта, Гии Канчели и других музыкантов старшего поколения, уехавших из бывшего СССР уже будучи признанными к тому времени за рубежом, я занимаюсь по преимуществу изучением творчества менее известных композиторов, ведь одной из целей моей научной и продюсерской деятельности является пропаганда их искусства».

Поэтому среди представленных композиторов нет и Родиона Щедрина, нет и многих более молодых — О. Раевой, Л. Ауэрбах, С. Невского и др. Практически все собеседники Е. Дубинец принадлежат к среднему поколению музыкантов: в СССР многие из них входили в АСМ-2 — Ассоциацию современной музыки, организованную в 1990 Э. Денисовым, и уехали из страны в 1990-е годы. «Следствием тройного пренебрежения — государством, исполнителями и слушателями — стало то, что многие российские композиторы на переломе эпох были вынуждены эмигрировать», — указывает автор.

В книге отчасти представлена и пятая, современная волна эмиграции. Это те, кто совсем недавно сменил место жительства. Самые молодые из них — Борис Филановский, уехавший в 2012, и Антон Батагов, получивший американскую «green card» в 2010.

Игры с этничностью

Автор замечает, что все композиторы с готовностью обсуждали эмигрантский опыт, то есть, проблемы самоидентификации за рубежом являются для них актуальными. Не создали ли понятие «композитор-эмигрант» ограничений для восприятия его музыки? Символизирует ли эмиграция перемещение в географическом пространстве или изменение в самоопределении? Этими вопросами задается как автор, так и герои книги. Каждый из них ищет свой ответ.

Александр Раскатов, живущий во Франции, предлагает вообще отказаться от понятия «эмиграция», которое сохраняется в русском языке как привкус унижения.

Александр Раскатов говорит: «Эмигрант» — понятие абсурдное. Если англичанин поедет жить в Швейцарию, он же не будет считаться эмигрантом у себя в стране.

Я не знаю американских или японских композиторов-эмигрантов. ... слово это сейчас звучит унижительно и старомодно. Я понимаю, что когда-то оно было связано с революцией и железным занавесом, но сейчас это слово должно постепенно уйти из лексикона, и тогда мы начнем понимать, кто мы такие. «Эмиграция» — это оборотная сторона крепостного права, а ностальгию мы испытываем по инерции потому, что Россия долгие десятилетия была «улицей с односторонним движением». Мигрировать должны мысли, а где в этот момент находится тело — это уже второй вопрос».

От первого лица

Валерий Арзуманов (Россия — Франция) (род. 1944, эмигрировал в 1974)

«Французская культура на меня очень сильно повлияла, но ... не впрямую. Мне кажется, что самое главное в моей музыке — это советский слой 1950-х годов, причем в его самом простом виде. Я ведь жил в Воркуте, и там ни о какой классической чистоте речи быть не могло. Мой отец был музыкант-любитель, играл на мандолине. По радио звучали популярные советские песни и марши. Классическая музыка началась для меня позже, в основном, в Ленинграде, но это было скорее вторично. Мне всегда казалось, что моя роль — создать из этого первичного музыкального материала настоящую сложную художественную и языковую культуру. Думаю, что именно на это я потратил последние годы. Делалось это во имя многообразия, «ради сложности мировой». С Запада, со стороны, все видится иначе, и получается, что, несмотря на лагеря и другие советские извращения, в той цивилизации было нечто иное, оригинальное».

Александр Рабинович-Бараковский (Россия — Швейцария) (род. 1945, эмигрировал в 1974)

«Здесь подавляющее большинство, как, впрочем, и везде, делает то, за что истеблишмент платит деньги. <...> за последние 50 лет на Западе сформировалась огромная армия, с большим количеством дивизий, авангардистов-модернистов, называющих свою деятельность «подрывной». Парадокс <...> заключается в том, что на такую тяжелую повстанческую деятельность западные государства не жалеют субсидий, подкармливая эту армию довольно щедро. Сейчас просто невозможно увидеть композитора, который не считал бы себя авангардистом. Фестивали современной музыки давно уже стали прибежищем и тихой гаванью современного конформизма».

Давид Финко (Россия — США) (род. 1936, эмигрировал в 1979)

«Должен Вам определенно сказать, что Америка — самое неудачное место из всех возможных для композитора, причем, как и для художника, поэта или писателя. Здесь творчество никак не поддерживается государством, вообще не считается профессией, это

вроде хобби. <...> Музыка американских «университетских» композиторов-преподавателей в большинстве своем рутинно-академическая, без формы, без тематизма, без страсти. Я называю это «интеллектуальным онанизмом», отдающим провинцией».

Николай Корндорф

(Россия — Канада) (1947–2001, эмигрировал в 1991)

«Я, безусловно, ощущаю себя русским композитором. <...> Я провел в этой стране 45 лет. Я воспитывался на русской литературе, и вся система взглядов у меня исключительно русская. И взгляд на искусство, на предназначение искусства, на предназначение художника целиком заимствованы у наших классиков. И, конечно, — публицистичность, которая была свойственна всем и которую смогла избежать, может быть, только София Асгатовна. И Шостакович, и Шнитке, и Пярт, который оказал на меня очень большое влияние, безусловно, принадлежали к советской музыке. И себя я к ней безоговорочно причисляю. Я назвал Шнитке советским композитором, потому что весь его антисоветизм был порожден этой системой. Это не была музыка вне времени и пространства, какой она оказалась у Губайдулиной. Музыка Шнитке — это непосредственная реакция на то, что происходило. <...>

Я принадлежу к тому направлению в русской музыке, которое, независимо от композиторского стиля, обычно обращается к очень серьезным проблемам: философским, религиозным, моральным, проблемам духовной жизни личности, ее взаимоотношениям с окружающим миром, проблемам красоты и ее соотношений с реальностью так же, как проблемам благородства и значимости в человеческих существах и в искусстве и отношениям между духовным и бездуховным».

Дмитрий Смирнов

(Россия — Великобритания) (род. 1948, эмигрировал в 1991)

«За сравнительно короткий период моей жизни в Англии я написал раза в два больше сочинений, чем за все время своей жизни в России, и по праву мог бы считаться гораздо «более британским», чем российским композитором. Однако за британских композиторов нас здесь не признают, а считают чужаками и, как бы, останками советской культуры. Вся музыкальная структура здесь построена таким образом, чтобы поддерживать местных английских композиторов. Надо, чтобы фамилии были английскими».

Владислав Шуть (Россия — Великобритания) (род. 1941, эмигрировал в 1992)

«У меня нет желания прилагать какие-то усилия для возобновления старых или поиска новых деловых контактов. Я уже давно отдал судьбу моей музыки на волю providения. Последние годы я наслаждаюсь одиночеством, и, должен сказать, никогда не чувствовал такого душевного спокойствия, такой внутренней гармонии».

Александр Раскатов (Россия — Франция) (род. 1953, эмигрировал в 1994)

«Именно Россия всегда останется свойственно имманентное желание глубинного постижения сути вещей. Глубинного,

Михаил Глинка

Сергей Ляпунов

Александр Гречанинов

Александр Глазунов

Сергей Рахманинов

Николай Черепнин

Николай Метнер

Игорь Стравинский

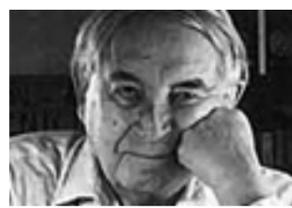
Артур Лурье

Николай Обухов

Иван Вышнеградский

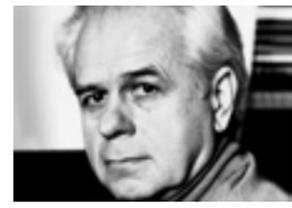
Николай Слонимский

Александр Черепнин

Марк Копытман

Эдисон Денисов

София Губайдулина

Родион Щедрин

Андрей Волконский

Альфред Шнитке

Леонид Грабовский

Давид Финко

Владислав Шуть

Виктор Суслин

Валерий Арзуманов

А.Рабинович-Бараковский

Франгиз Али-Заде

Николай Корндорф

Иосиф Барданашвили

Дмитрий Смирнов

Елена Фирсова

М. Коллонтай-Ермолаев

Виктор Кисин

Александр Раскатов

Иван Соколов

Екатерина Чемберджи

Беньямин Юсупов

Антон Батагов

Борис Филановский

Ольга Раева

Сергей Невский

Лера Ауэрбах

Елена Лангер

а не коммерческого. <...> осознание себя в так называемой “эмиграции” — это болезненный процесс. Гораздо безопаснее писать усредненную западноевропейскую музыку, которая легче съедается. Когда себя узнаешь, это не всегда приятно. Проходишь через ступени не только рая, но и ада тоже — особенно когда делаешь это в психологически сложных условиях <...> На Западе процесс узнавания себя с карандашом в руке происходит в условиях отторжения от привычного мира, и не “благодаря”, а “вопреки”. “Вопреки” — вот это очень важно. Только из этого трения может что-то возникнуть. Если живя, скажем, в Париже, нужно проделать болезненный внутренний путь, чтобы понять, кто ты такой, откуда родом, что тебе дальше делать, и вообще, что от тебя нужно музыке, можно ведь надолго замолчать и долго мучиться. И тогда все проблемы стилей, “измов”, чтобы было не так, как у соседа по лестничной клетке — все это в какой-то момент отпадает, как шелуха.

«Современный западный музыкальный мир похож на гигантский супермаркет, где у каждого продукта есть свое название, цена, красивая упаковка.

Ты приходишь туда и знаешь, где искать нужный тебе продукт... Если у товара вообще нет названия, и его нельзя классифицировать — это, может быть, и гениально, но в этом таится гигантская опасность. Это значит, что, возможно, никогда не найдется покупатель на то, что ты производишь. Сейчас каждый фестиваль имеет соответствующий своей тематике репертуар».

Борис Филановский (Россия — Германия), (род. 1968, эмигрировал в 2012)

«Будучи евреем, я ощущал себя чужим даже не этнически, а ментально. Мне нравится личная дистанция. Мне нравится общество, которое живет строго по правилам. Мне нравится, когда в мою жизнь не вторгаются никакие непредвиденные люди и обстоятельства. <...> Когда я уехал в Израиль, ощутил себя европейцем <...> А, приехав сюда, в Германию, я себя ощутил носителем русской культуры, но при этом с израильским паспортом. Я горжусь тем, что у меня израильский паспорт, я патриот Израиля. И тем не менее, с точки зрения самоидентификации как музыканта, здесь, в Германии, я ощущаю себя дома. Это моя культура. Так что у меня такая

тройная мерцающая идентичность, которая зависит от того, где я оказываюсь».

Иван Соколов (Россия — Германия) (род. 1960, эмигрировал в 1995, живет попеременно в России и Германии)

«Германия — потрясающая страна, где мне было очень хорошо чисто психологически. Еще до переезда я там выступал по три-четыре раза в году, так что перестройка прошла плавно. При этом, когда я туда переехал, я продолжал часто бывать в Москве. В России я до сих пор себя чувствую больше дома, но в Германии тоже уже складывается центр притяжения. Это, конечно, странное существование — между двумя государствами, но музыкант в любом случае должен ездить».

Антон Батагов (Россия — США), (род. 1965, эмигрировал в конце 2000-х, живет попеременно в России и США)

«Самолет летит. На Запад путь держит.

Сидят в самолете русские композиторы — те, кто успел увернуться от птицы-тройки. Молчат. Думают думают. Думают так: Жили мы на Святой Руси. У нас там все запрещено было.

Только песни русские разрешались. Но какой же русский будет делать то, что разрешено?

Ясное дело, мы потихоньку играли все запрещенное: кто — джаз играл, кто — рок, кто — додекафонию сочинял (за одно это слово сразу могли в Сибирь сослать!), кто — минимализм... кто — авангард разный... (а за это — на лобное место).

Мы, русские, все на лету схватываем. Вот мы и научились всей ентной заморской музыке так, что заслушаешься. Но теперь у нас там совсем невмоготу стало. Слава Богу, на последний самолет успели. Вот прилетим сейчас в западную страну, а нас там спросят:

Вы что умеете?

Мы им скажем: Джаз умеем, рок умеем, додекафонию умеем, минимализм умеем, авангард разный умеем, и еще всякое такое умеем, что даже не знаем, как называется...

Нееет, — скажут нам, — ентного дела у нас тут у самих — во! — навалом. Надоело все енто еще в прошлом веке. Дык ведь вы ж из России! Ведь, правда?

Ну, правда...

Ну, так нам тут ваши русские песни ох как нужны! Вы ж, не-

бось, их пять-то будь здоров как умеете?

Да не умеем мы... нас от таких песен тошнило еще при Сталине-батюшке! Да и на кой они нужны? Мы ж наоборот всю жизнь тайком музыку вашу заморскую играли, вы только послушайте! Мы ж ради ентного и жили! А когда коммунизм кончился, мы думали, што щас как раз все енто мы и начнем играть для всего народа. Глядим — а народу этого и не надо... Им вон чего надо — ум-тс-ум-тс... «попса» называицца. Она там теперь всюду из радио хрюкает. А щас вообще снова почти коммунизм, только какой-то бандицкий. В общем, мы еле ноги унесли оттуда, а там теперь праздник жизни — пир на весь мир. Только без нас. Так что же, мы тут русские песни должны пять? А зачем же мы тогда там <...> <...> а теперь <...>

Не хотите — не пойте. Дело ваше. Только другой работы у нас тут для вас нету. Ясно?

...А может быть... Не может.

Пригорюнились композиторы.

Как быть — не знают. И где быть — не знают. И кем быть — не знают. Позади — Москва. Путь далек лежит».